

Мировоззрение и социальное поведение правящей элиты Татарстана

Автор: В. А. БЕЛЯЕВ

Доминирующая генетическая характеристика политической элиты, а точнее говоря, неономенклатуры Республики Татарстан (РТ) - аграрное происхождение и преимущественно агротехническое образование ее членов. Цель статьи - проанализировать роль данного фактора в процессе структурирования правящего класса РТ и складывания его менталитета, типологически сходного с менталитетом сельской общины доиндустриального общества, или "гемайншафта" (нем. *Gemeinschaft*) по терминологии Ф. Тенниса. Такому типу социальной организации присущи приверженность к традициям, отсталость, примитивизм, консерватизм, закрытость, несвобода, клановая солидарность и рекрутирование, маргинальный статус относительно городской цивилизации, ориентация на авторитаризм и т.д. [Теннис, 2002].

Хотя Татарию нельзя в полной мере отнести к аграрным обществам (доля сельского населения в ней едва превышает 26%), титульный этнос республики - более рурализованный. Татары, составляя порядка 48% жителей РТ, явственно преобладают среди селян - 65,5% и составляют весомую долю среди горожан первого поколения - 42,1% [Мустафин, 1992]. Тем не менее в советский период выходцы из деревни из-за плохого владения русским языком имели мало шансов занять высшие посты. Без хорошего знания русского языка было трудно включиться в цепочку ротации кадров региональной номенклатуры, проходившей в основном по схеме "комсомол-госорганы-парторганы-профсоюзы". В 1990 - 2005 гг. способы и источники пополнения и ротации правящей элиты изменились. Если можно так выразиться, "аульная" неономенклатура Татарстана совершила исторический рывок: она практически полностью "выдавила" из властных структур горожан, вытеснив их либо в сферу бизнеса, либо вовсе вынудив покинуть пределы республики.

Причины, по которым сельская по генезису интеллигенция (точнее, квазиинтеллигенция) добилась преобладания среди правящей элиты Татарстана, в целом таковы. Прежде всего, вопреки городскому характеру профессиональной этнокультуры, именно село и экс-селяне - ее основной источник и потребитель. Производитель же этнокультуры - гуманитарная интеллигенция в силу необходимости знания татарского литературного языка, как правило, формировалась из сельчан. Напротив, научно-техническая и инженерно-техническая интеллигенция на протяжении длительного времени складывалась преимущественно из горожан - выпускников русских школ. "Значительная часть этих людей деэтнизирована, она отличается этнонигилизмом и космополитиз-

Б е л я е в Владимир Александрович - кандидат философских наук, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева.

мом". Точно так же промышленный рабочий класс оказался равнодушным к процессам возрождения этнических ценностей: основная его часть была занята на предприятиях союзного подчинения и "их интересы оказались связанными с сохранением традиционной структуры взаимоотношений центра и республик" [Исламшина, 1996, с. 188 - 189]. В таких условиях сохранение и развитие татарского этнокультурного своеобразия требует поддержки на государственном уровне, что и стимулировало стартовавший с конца 1980-х гг. поход во власть татарской гуманитарной интеллигенции (литераторов, журналистов, историков, филологов, "научных коммунистов", юристов и др.). Правда, ее допустили не в кокус правящей элиты, а либо в состав ее политического актива - на второстепенные роли советников, депутатов, руководителей подконтрольных "общественных" организаций (Всемирного конгресса татар, лояльного ВТОЦ, и др.), либо в ряды управленческой "цитоплазмы" - на аппаратные посты.

Кроме того, в годы сталинщины для селян наиболее эффективным способом освобождения от "крепостной" (колхозной) зависимости стало вхождение в управленческие структуры. Поэтому тяга активных жителей деревни к власти, которая одна могла дать относительную свободу, имеет глубокую традицию. Но поскольку в городе продвижение экс-сельчан лимитировалось как уровнем их подготовки, так и спецификой городского сообщества - "гезельшафта", с трудом ими воспринимавшей, единственным по существу каналом социального восхождения колхозного крестьянства в 1950-е гг. стало агротехническое образование. Поэтому закончить механический факультет Казанского сельскохозяйственного института (мехфак КСХИ) значило приобрести и свободу, и власть [Мустафин, 1995, с. 21; Кустарев, 1999, с. 295 - 296]¹.

Ядро элиты принимало в свои ряды выпускников КСХИ, потому что он был единственным сугубо лояльным властью татароязычным вузом. В нем не формировались подпольные национальные кружки: он не был институциональной базой этнической мобилизации, а лишь более удобной для сельских татар ступенькой социального восхождения и единственным каналом прорыва. Здесь учились те, кто к татарскому языку обучения относились сугубо функционально: для студентов КСХИ он, в отличие от историко-филологического факультета Казанского государственного университета или пединститута, никогда не был самоцелью.

Наконец, рурализация правящей элиты РТ была обусловлена особенностями политической психологии и поведения селян и экс-селян. Этим социальным группам свойственна самодостаточность, замкнутость, привычка к полной транспарентности всей жизни для окружения, круговая порука, зависимость от общего мнения, преобладание "культуры стыда" и "культуры страха" над городской "культурой вины" [Теннис, 2002, с. 26 - 29]. Будучи выходцем из деревни, Президент Татарстана М. Шаймиев не без основания рассматривает чиновников с таким происхождением как сервильный, управляемый контингент - удобный инструмент для формирования и укрепления авторитарного режима. Через них правящий клан сделал весьма зависимых от начальства сельских жителей полусознательным субъектом политики и своей социальной опорой.

Перечисленные обстоятельства - первопричина сохранения и ретрансляции правящей элитой в общество Татарстана специфических черт психологии "гемайншафта". Применительно к современной ситуации в республике его базовые признаки выглядят следующим образом.

Личная мотивация. Переехав в город, нынешняя генерация татарстанской элиты утратила черты мудрой сельской культуры и деревенского образа жизни (коллекти-

¹ Особая роль, которую играл КСХИ в деле формирования нынешней элиты РТ, связана с тем, что это учебное заведение стало "единственным необществоведческим вариантом высшего образования для татар, не желающих менять этническую принадлежность. Ибо после фактической ликвидации национальных школ в городах Татарстана, произошедшей при Н. Хрущеве, доступ в республиканскую элиту для татар-сельчан обозначал отказ от образования на родном языке выше уровня средней школы и русскоязычное образование на всех уровнях для их детей" [Гузельбаева, 2005, с. 122 - 128].

визм, сострадание, эмоциональную восприимчивость и др.), не усвоив при этом, как минимум, не менее глубокую урбанистическую культуру. Неприятие городских ценностей не позволяет правящей элите перейти к сугубо экономическим методам руководства, ибо ориентация на индивидуальный успех и прибыль не были свойственны общине или колхозу. Аналогично авторитаризм режима прикрывается имитацией патернализма и "коллективного руководства" - уступками психологии сельчан. Советники Президента Татарстана сих пор отрицают приоритет прав человека перед правами любого социума.

Необходимо также указать на развитость таких элементов общинной мотивации, как земляческие чувства: особое выделение выходцев из одного района, села и элементы их корпоративной сплоченности в городах и вне РТ. Неудивительно, что неономенклатура теперь без стеснения ссылается на особое доверие к землякам как на фактор карьерного продвижения.

Социальный контроль. Жизнь в общине регулируется преимущественно традиционными неписаными обычаями, а не законами. Эта черта сельского менталитета настолько пропитывает сознание выходцев из деревни, что они, живя в городе и даже пребывая во властных структурах, апеллируют не к законам, а к традициям, неономенклатурным обычаям, личным договоренностям. Вместо экономических и правовых санкций правящий слой РТ предпочитает использовать административное давление (от "позвоночного права" до стукания кулаками по столу и окриками). Его представители не гнушаются применять и ветхозаветный принцип "око за око" вместо правового возмездия, поскольку "элемент мести характерен для татарского сельского менталитета" [Фарукшин, 1998]. Неудивительно, что еще совсем недавно представители правящего клана РТ, включая самого Шаймиева, открыто заявляли, что "нарушение ряда существующих законов - это вынужденная и цивилизованная мера" или что "хорошее самочувствие Республики гораздо важнее слепого поклонения каждой букве Основного Закона" [Приветствие... 1993, с. 6; Морозов, 1996; Юдкевич, 2006, с. 2]. Конечно, в ельнинское время правовой нигилизм региональных олигархий был явлением повсеместным, однако татарстанская элита явно лидировала в своем игнорировании российских законов. Полностью ее правовой нигилизм не исчез и после приведения законодательства РТ в соответствие с Конституцией РФ.

Разделение труда. Городская цивилизация порождает профессионалов, качественно делающих свое дело и не претендующих на всезнание и умение во всех областях. Более того, они сторонятся не свойственной им работы, ибо за заработанные деньги могут нанять соответствующих компетентных специалистов. Эксельчане в силу своих традиций, напротив, остаются полупрофессионалами (ибо стремятся делать все сами, игнорируя законы разделения и специализации труда). Подобный дилетантизм, ставший образом жизни, часто порождает некомпетентную самоуверенность. Применительно к правящей элите РТ это осложнено чересчур быстрым продвижением, опережающим накопление знаний и опыта. Ускоренная вертикальная мобильность начала 1990-х гг. привела не только к изменению статусных позиций различных ее слоев, но и к резким и неумеренным увеличениям числа объектов хозяйственного подчинения на тех же должностях: под юрисдикцию РТ в процессе ее суверенизации перешла большая часть экономики, тогда как десятилетием ранее партноменклатура РТ распоряжалась лишь 3% хозяйства своего региона². Чиновники к этому оказались явно не подготовлены.

Социальные институты. В общине главные из них - семья, соседско-родственные группы и т.п., в обществе - крупные объединения и ассоциации (деловые - фирмы, общественные, политические - партии, правительство). Выходцы из села игнорируют значимость не зависимых от правящего слоя институционализированных групп интересов,

² Доминирование в составе элиты "неполитической неономенклатуры" - управленцев от образования и медицины из сельской местности (работники роно, директора школ и главврачи) - также способствовало падению уровня и качества управленческого труда. В результате властные структуры РТ всех уровней, превратившись в неономенклатурный сельский сход, по сути дела отстаивают собственные, корпоративные интересы, и наглядное подтверждение тому - региональные бюджетные процессы [Беляев, 2002, с. 58].

не воспринимают их всерьез, стремятся подмять эти институты гражданского общества под себя, заставляя их работать на власть.

Превалирование семейных ценностей даже в условиях нуклеаризации семьи на селе сохраняет такие реликты расширенного ее варианта, как тесные связи между родственниками, выражающиеся в более интенсивном, чем среди потомственных горожан, родственном общении и пиетете. Правящая неонеоменклатура использует эту сложную и разветвленную систему традиционных социальных связей, "повязывая" правящий клан непотистско-трайбалистской сетью. Так, братья Минихановы возглавляют и правительство, и ГИБДД, и один из районов Татарстана; сыновья Шаймиева работают в руководстве фирм, получающих основные доходы от нефти, в экономическую и политическую элиты входят и пятеро его племянников, и т.д. В настоящее время можно говорить о новой для РТ "опасной тенденции, не свойственной цивилизованным странам... не характерной для республики даже в советское время при разных первых секретарях обкома партии, - насаждением клановости в политической жизни Татарстана". А поскольку инициатором этих процессов выступает президент республики, то метафорическое превращение "Республики Татарстан в Республику "Минтимер инкорпорейтед"" приобретает черты реальности [Фарукшин, 1998].

Эти, если можно так сказать, базовые элементы "гемайншафта" дополняет ряд иных немаловажных характеристик менталитета выходцев из нынешней татарстанской деревни. Во-первых, наблюдая с детства смену природных циклов и зависимость от них жизни и труда людей, они закономерно и независимо от степени религиозности стали стихийными материалистами и даже прагматиками. Повторяемость природных и производственных циклов на селе способствует метафизичности подхода к общественным процессам и убеждению в историческом круговороте социальных событий. Отсюда консерватизм, ретроградность, настороженное отношение к любым новшествам и дихотомичность (черно-белое восприятие действительности и отрицание плюрализма взглядов, оппозиции) сознания экс-сельчан, предпочтение ими стабильности и достатка свободе и правам человека, что служит психологической подпиткой застойного авторитаризма правящей элиты.

В силу вышесказанного можно сделать вывод, что власть имущим в РТ присущи абсолютный прагматизм и нравственно-политический релятивизм, полное отсутствие приверженности не только определенной идеологии, но и каким-либо идеалам, умелая роль "стороннего радующегося". Взяв за образец политику неприсоединившихся государств, правящие круги Татарстана с крестьянской хитростью сделали ставку на противоречия в руководстве страны последних лет советской власти (между союзной и российской элитой), а затем и между исполнительной и законодательной ветвями власти РФ, и т.д. Правда, власти Татарстана в обоих случаях поддерживали проигравших, но ошибка немедленно исправлялась, что указывает на лабильность ориентации на суверенитет, трактуемый исключительно как возможность творить в субъекте Федерации все, что угодно, в обмен на нужные итоги выборов любого уровня. Некоторое изменение формулы этого "договора" в 2000-е гг. (отказ от положения о суверенитете, от собственного гражданства, и др.) лишь подтвердило неизменность нравственного релятивизма элиты Татарстана.

Во-вторых, сохранение на селе подчеркнутого уважения к старшим по возрасту, проявляющееся в целом ряде обычаев, а у татар - и на вербальном, коммуникативном уровне (в обязательном указании на более солидный возраст собеседника), благоприятствует геронтократии в республике. Даже в официальных изданиях ее президента называют "бабай" (дед), а при восхождении по иерархической лестнице в первую очередь учитываются возраст рекрута и его стаж неонеоменклатурной работы.

В-третьих, у сельчан и экс-сельчан (независимо от этнической принадлежности) сохраняется более патриархальное, моногамное и асексуальное отношение к браку, проявляющееся в распределении власти, прав и обязанностей в семье, ее количественном составе и "матримониальной мобильности". В таких патриархальных семьях имеет место подчинение сексуального поведения строгому контролю и запретам, негативное отношение к разводам (на селе зарегистрировано лишь 10% разводов от их общего числа;

во многом из-за этого уровень разводов среди татар в 1,3 раза ниже, чем у русских), к "серийной моногамии" (вступлению разведенных в повторный брак), к рождению детей вне брака (85,6% общего числа таких рождений приходится на города) и в какой-то мере толерантность к мужской просексуальности (терпимость к внебрачным связям мужчин) [Мустафин, 1992, с. 158]. В результате порядки в семьях сельчан и горожан первого поколения, хоть и жестче, зато сам институт семьи - прочнее. До сих пор эти обычаи играют решающую роль в социализации индивидов и поддержании групповой солидарности. Все это способствует формированию "авторитарной личности" - социальной опоры деспотизма.

В-четвертых, у выходцев из моноэтнических сел (а татарские поселения, как правило, таковы) зачастую сильны элементы ксенофобии, этнической, религиозной и поселенческой автаркии и эндогамии. Данные статистики свидетельствуют о том, что сельские татары-мужчины вступают в межэтнические браки в 5,6 раза реже, чем, например, русские горожане. Это, несомненно, говорит не только о сохранении патрилинейности в определении родословной, но и о векторе культурной трансгрессии. В 1990 - 2006 гг. "поколение суверенитета" (маргинальная молодежь, сельская по происхождению и истово верящая в идеи президента РТ) вернулось к "заветам предков" о жесткой этнической эндогамии, отказалось от отчества и отбросило русские окончания в фамилиях, что раньше было характерно лишь для деятелей культуры старшего поколения. В этом состоит его разительное отличие от более космополитичного и пророссийского поколения 30 - 50-летних. Сказанное подтверждают данные репрезентативных опросов и распространенность немусульманских, но и неправославных имен у родившихся в 1930 - 1980-е гг. (Марс, Венера, Марсель, Рево, Люция, Вилен). Поколение суверенитета возвращается к арабским именам, тем более что фамилии татар всегда оставались с точки зрения ономастики тюркскими. Все чаще на улицах и в учреждениях можно увидеть девушек, повязывающих платки не по-татарски (узлом назад), а по-арабски (закрывая пол-лица). Впрочем, власти РТ почему-то стремятся расширить область использования татарского языка переходом на латиницу, а не на арабицу.

В-пятых, кроме позитивных, нейтральных и амбивалентных (с позиции аксиологии современного городского индустриального общества) черт, модифицированную сельскую культуру и образ жизни отчасти характеризует тривиальная ретроградность, которая проявляется в:

- меньшей образованности, слабом знакомстве с мировой культурой, оторванности от нее, несмотря на развитие сотовой и компьютерной сети;

- несовместимости с политической и экономической свободой, ибо аграрная община, воплощенная в колхозе и совхозе, - питательная среда для тоталитаризма и патриархальной легитимации. У сельчан наблюдаются особое почтение и лояльность именно к традиционным авторитетам (староста - председатель колхоза; помещик - секретарь райкома - глава администрации района; губернатор - секретарь обкома - президент) и недооценка возможностей легально-рационального авторитета. Это и позволяет сохранить назначаемость глав администраций президентом, проводить выборы абсолютно бесконтрольно, а часто даже и безальтернативно, совмещать посты в разных ветвях власти (главы администраций в РТ до 2004 г. были депутатами двух-трех уровней).

Такого рода черты "гемайншафта" породили маргинальную двойственность (амбивалентность) сознания современных сельчан и экс-сельчан: оно частично пророссийское, частично автаркичное, сепаратистское, ксенофобное, авторитарное и т.д.

Менталитет села обусловил и такую черту поведения и сознания нынешней неонеоменклатуры, как когерентность мировосприятия. "Деревенская культура, привнесенная значительной частью правящей элиты во властеотношения, включает в себя традиционные нормы чинопочитания, внутреннего неприятия оппозиции и инакомыслия, благоволения выходцам из собственной среды, еще больше - землякам, подозрительности к "чужакам", особенно из городских и образованных слоев, представление о собственной непогрешимости, самолюбование". Неонеоменклатура, чья ментальность обусловлена упомянутыми факторами, в действительности превратилась в "условную" элиту, в том смысле, что она состоит из массы циничных, корыстолюбивых, коррумпированных, не брезгующих никакими средствами индивидов [Фарукшин, 1994, с. 70].

Вдобавок рассматриваемому социальному слою Татарстана в полной мере присущи и все черты "советского крепостничества" и колхозной номенклатуры, так как в своем большинстве это вчерашние председатели колхозов, руководящие работники МТС, АПК, сельских райкомов КПСС (вплоть до секретарей). Чиновники из селян по привычке ориентируются лишь на подневольный труд, всестороннюю зависимость, патронажно-клиентельные отношения, основанные на сервильности и фаворитизме. Бывший партхозактив крайне негативно относится к гласности, контролю со стороны общественности за властью, иным ограничениям своего владычества, к оппозиции и даже к самому термину "политика". Его нынешняя ипостась - типичные "гармоничные индивиды" (термин Л. Гумилева), чья энергия отнюдь не превосходит инстинкт самосохранения.

К этому остается добавить только ряд типологических признаков обычной бюрократии - корпоративность, "бумажный" стиль работы, трусость и сваливание любой ответственности на Москву, бесконтрольность и жесткий отказ от введения даже элементов надзора общественности за властью.

Все сказанное выше означает, что правящая в РТ неономенклатура по своему менталитету даже не столько сугубо сельская, сколько переходная, маргинальная. Но маргинальность по своей сути не стабильна: она эволюционирует. Ее представители в случае успеха покидают слой маргиналов или переходят в группу частично адаптированных маргиналов. Если трудности чрезмерны или сохранение маргинальности становится привилегией, она консервируется. Эти социальные подвижки осуществляются тремя способами: а) ассимиляция в доминирующую группу (характерна для иммигрантов при невысоких барьерах, как в РТ); б) ассимиляция в подчиненную группу; в) частичное, временное и неполное приспособление, балансирование между двумя группами. Второй и третий способ были характерны для вестернизации и русификации традиционного татарстанского общества. Третий носит имитационный характер, второй рожден движением протеста и формирует страстных националистов [Сергеева, 1998, с. 5 - 6]. Националисты в Татарстане, будучи вовремя использованы правящей элитой, со временем сами стали политическими аутсайдерами. Второй же способ (частичное приспособление и балансирование) стал преобладающим для шедшей к господству сельской неономенклатуры РТ. Иначе говоря, после "агростноменклатурной революции" 1990-х гг. доминирующая и подчиненная группы в татарстанском обществе поменялись местами.

Неономенклатура не стремится добиться полного и успешного преодоления своей маргинальности. Прежде всего потому, что, войдя в упомянутый слой в молодом (а что касается верхних страт нынешней элиты - то в юношеском) возрасте, теперешние руководители совершенно оторвались от реальности, в которой живет большинство. Они видят народ только из окон своих кабинетов и лимузинов, а для рядовых граждан "доступ к их телу" десятилетиями был крайне ограничен.

Далее, у выходцев из села по понятным причинам присутствует комплекс неполноценности, проявляющийся в виде или агрессивности и нахрапистости, или трусости и неуверенности в своих силах и способностях. Первый вариант толкает к корпоративности, сплочению маргиналов против коренных горожан, к нелюбви к ним, к введению разного рода языковых привилегий и ценза республиканской оседлости как единственных своих преимуществ перед большинством горожан. Формируется и психология "осажденной крепости", когда собственное непонимание общероссийских тенденций развития возводится в идейно-политический принцип неприятия всего российского. Отвергая естественную модернизацию и урбанизацию, ведущую к деградации села, маргиналы, судя по всему, мстят городу. Фактическая "зачистка" Казани - лишение ее уникального облика посредством новой градостроительной политики - визуальное подтверждение мстительности их характера. Трусость, неуверенность и иные черты комплекса неполноценности проявляются и в беспринципности, и лабильности их ориентации на суверенизацию, и в желании возместить свои недостатки самовосхвалением, лестью и созданием культа личности действующего Президента РТ, олицетворяющего самодостаточность и успешность консервации маргинального статуса. Такая элита соединяет высокомерие парвеню и азиатскую хитрость с византийским подобострастием и сервильностью, в отсутствие как европейского образования, так и серьезной профессии (для работы в случае потери высокого поста).

Наконец, утрата сельскими маргиналами жизненных ориентиров, аномия и фрустрация, их полное неумение рефлексировать реализуются в замене высших нравственных диспозиций ("каким быть?") на диспозиции среднего уровня и статусное позиционирование ("кем стать?" "где работать?"). В таком контексте цель начинает оправдывать средства, должность становится важнее человеческих отношений, диплом кандидата или доктора наук - значимее знаний. К этому следует отнести и сохранение внутренней склонности таких людей к ручной и сезонной работе, их ностальгии по самодеятельному искусству (народным песням и пляскам), стремление упрощать действительность, непонимание значения глубокой теории, методологии, академической науки, университетского образования, сложных видов искусства (классической музыки, балета, оперы, архитектуры, нереалистических направлений в живописи и литературе).

Выше отмечалось, что особенность социального происхождения ядра правящей элиты - не просто сельские истоки, но и агрозоотехническое (то есть естественно-научное) образование. Поэтому в ее сознании часто совмещаются представления и подходы, свойственные как сельским жителям, так и технократам. К сожалению, то же можно сказать и о большей части контрэлиты. Весьма существенно, что естественно-научная компонента образования и начального профессионального опыта объективно подталкивает политическую элиту РТ (и правящую, и оппозиционную) к неосознанному позитивистскому, а не гуманитаристскому восприятию социальной действительности. Образно говоря, они - прирожденные "физики", а не "лирики". Это проявляется в приверженности ко всем основным постулатам позитивизма:

- наивному натурализму в виде упрощенческого редукционизма, органицизма и механицизма: вере в сходство законов развития природы, механизмов и общества, уверенности в простоте и управляемости всех общественных процессов, подходу к людям как аналогу механизма или организма, в крайнем случае, как к популяции, стаду;

- стихийному сциентизму: методы "работы с человеческим материалом" выбираются простейшие - административно-командные и противоправные (приказ, удар кулаком по столу, телефонное право, незаконный вброс бюллетеней в избирательные урны, и т.п.) вместо более сложных экономических, политических, идеологических и психологических. Это якобы позволяет контролировать жизнь людей так, как контролируются процессы в физике и химии;

- неосознанному бихевиоризму: игнорируются мысли, чувства, намерения, цели, сложные конгломераты интересов людей, которые оцениваются лишь по открытому поведению и поступкам, подлежащим визуальному наблюдению (причем не учитываются индивидуальные особенности и реакции индивидов: предполагается, что они реагируют одинаково по сигнальной системе "стимул-реакция", аналогично собакам И. Павлова);

- малоосмысленному верификационизму: правители считают себя вправе экспериментировать на людях, целом регионе, практически ставя непроверенные опыты при создании "модели Татарстана", предполагая, что действия людей - простое производное от социальных структур. Принципы герменевтики как метода интерпретации осмысленных человеческих действий путем анализа последних в более широком контексте, придающем им смысл, категорически отрицаются;

- квантофрениии (термин П. Сорокина): псевдонаучному увлечению чрезмерной и неадекватной квантификацией общих положений и данных в социологии - вере в необходимость и возможность измерения, количественной оценки всех социальных явлений при недооценке качественного анализа. Отсюда идет постоянный, как в советские времена, интерес к валовому производству, а не к внедрению новшеств науки, к ряду показателей среднего уровня жизни, а не к децильному коэффициенту и к качеству жизни, к тому, что дает измеряемый эффект, а не к социальной и духовной сферам;

- увлечению естественно-научной и постномеклатурной номотетикой (доходящее до социал-дарвинизма и функционализма), когда отвергается специфика социетальных законов (цивилизационных, социокультурных и др.), сочетающееся с отторжением идеально-типического моделирования общественных процессов и их идиографии, то есть анализа уникального, неповторяющегося. Подобно тому, как химик не изучает неповто-

ряемую реакцию, так и правящую элиту РТ не интересуют уникальные явления в социальной сфере, где почти все неповторимо;

- абсолютизации присущих естественным наукам методов внешнего наблюдения, предпочтения сравнения феноменологизму как методу познания сущности социальных явлений; поверхностного объяснения пониманию сути;

- идейно-политическому объективизму и ценностной нейтральности (свобода от связи с реальными идеологиями и доктринальными партиями, от моральной оценки последствий своих действий; от защиты отдельных базовых ценностей).

Таким образом, сельские черты, накладывая на правящую элиту Татарстана неизгладимый отпечаток, ведут к росту аскрипции и социальной закрытости правящего клана, а также межклассовой дистанции между ним и остальным населением, формированию автократической, жестко классовой, дуплексной системы (то есть резко поляризованной, когда один жесткий класс во всех стратификационных измерениях стоит выше другого). Сложилась статусная кристаллизация социальной структуры республики, базирующейся на тотальной зависимости людей от чиновников и на превращении основной массы государственно-политических деятелей в назначаемых безальтернативным автократом клиентов-чиновников. Иначе говоря, вместо открытого общества в РТ в постсоветский период сформировался квазиоткрытый, по многим параметрам замкнутый социум.

Важнейшая причина стагнации общественной и интеллектуально-политической жизни в РТ - не соответствующая современным условиям деятельность местного правящего клана, который совмещает черты потестарного бюрократизма (трайбализм), античной цивилизации (патрон-клиентные отношения) и феодализма (байство и аграрный характер). Этим он отличается от бюрократии индустриальной цивилизации и тем более - постиндустриальной. Конечно, рурализация элиты рано или поздно сменится ее реурбанизацией. Еще О. Шпенглер предсказывал, что в последний этап заката культуры произойдет победа города над деревней, "народа" над привилегированными сословиями, интеллигенции над традицией, денег над политикой [Шпенглер, 1993, с. 197 - 200]. И в Татарстане сельско-неономенклатурный реванш когда-то закончится, и городская элита вернет свою власть, но пока черты "гемайншафта" доминируют в сознании как правящей элиты, так и интеллигенции в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев В. А.* Социальная стратификация российского общества. Казань, 2002.
- Гузельбаева Г. Я.* Формирование политической элиты в контексте трансформации социальной структуры современного российского общества. Дисс. к. с. н. Казань, 2005.
- Исламшина Т. Г.* Этнические ценности полиэтничного общества. Социологический очерк. Казань, 1996.
- Кустарев А.* Система ценностей и стиль жизни. Психологический анализ // Красные холмы. 1999.
- Морозов О.* Прагматизм - не роскошь, а один из "китов" политики // Время и деньги. 1996. 10 декабря.
- Мустафин М. Р.* Все о Татарстане. Казань, 1992.
- Мустафин Р. А.* Первый президент Татарстана Минтимер Шаймиев (Штрихи к политическому портрету). Казань, 1995.
- Приветствие Президента РТ М. Шаймиева // Федерализм - глобальные и российские измерения. Казань, 1993.
- Сергеева З. Х.* Маргинальная личность: эволюция концепций. Казань, 1998.
- Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002.
- Фарукишин М.* Нужна ли нам Республика "Минтимер инкорпорейтед"? // Вечерняя Казань. 1998. 11 августа.
- Фарукишин М. Х.* Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. N 6.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т. 1. М., 1993.
- Юдкевич М.* Президент возглавил ДДД // Вечерняя Казань. 2006. 17 октября.